

Шэнь Сунсюнь собрал присланные ответы на одном листе для удобства чтения. Закончив писать, он аккуратно подул на влажную тушь и произнес:

— Ваше Высочество, все семьи постепенно прислали ответы. Третий молодой господин Юнь также принял приглашение.

Не так давно Шэнь Сунсюнь увлеченно разбирался в правилах военной игры, но теперь этим занятием загорелся сам принц Чу. У Чэнсюань сидел, погружившись в изучение тонкостей правил, но при этих словах поднял голову. Немного подумав, он невольно улыбнулся:

— Он... он все-таки согласился прийти.

Шэнь Сунсюнь удивленно приподнял бровь:

— Отчего бы ему отказываться? Ваше Высочество, вы ведь так и не рассказали ни мне, ни Ду Хэну, о чем тогда говорили с молодым господином Юнем.

У Чэнсюань промолчал.

Видя, как принц вновь замкнулся в себе, да еще и покраснел ушами, наставник Шэнь мысленно покачал головой — зрелище было на редкость необычным. Характер у их господина был скрытный, словно наглухо запечатанный кувшин: если уж он решит промолчать, слова из него клещами не вытянешь. Изнывая от любопытства, Шэнь Сунсюнь мог лишь умоляюще смотреть на У Чэнсюаня в надежде на снисхождение.

Наконец принц негромко, размеренно произнес:

— «Встретил я суженого своего — как же сердцу моему не радоваться?»

Шэнь Сунсюнь опешил. Он уже и не надеялся на ответ, а услышанное и вовсе лишило его дара речи. Пробормотав про себя поэтическую строку, наставник внезапно все понял и потрясенно воскликнул:

— Ваше Высочество! Неужели вы и впрямь признались ему в этом?!

У Чэнсюань молча кивнул.

Шэнь Сунсюнь перестал обмахиваться веером из птичьих перьев. Постукивая его костяной рукоятью по краю стола, он посерьезнел:

— Ваше Высочество, вы ведь не шутите?

— Разумеется, нет, — отозвался принц Чу.

Шэнь Сунсюнь нахмурился, разглядывая своего воспитанника. В глубине души он понимал: то, что суровый принц наконец-то к кому-то привязался — пусть даже к мужчине, — куда лучше его прежнего беспросветного одиночества. Гасить этот робкий огонек не хотелось, поэтому наставник тщательно подбирал слова:

— Ваше Высочество, дело это чрезвычайно запутанное и трудное. Будь вашей избранницей обычная девушка из простых, Император, помня о вашей безвременно почившей невесте и о том, как вы едва не утопились с горя, возможно, закрыл бы глаза на ее происхождение и дал согласие. Но третий молодой господин Юнь — сын благородного мужа, чиновника пятого ранга. С чего бы ему соглашаться на...

— Я ни о чем таком не думал, — перебил его У Чэнсюань. — Просто не совладал с собой, когда увидел его.

Перед мысленным взором принца предстал образ Цзин Юньшу из того дня: юноша стоял с засахаренным боярышником в руке, а он смотрел с мягкой, теплой радостью. У Чэнсюань невольно улыбнулся.

— Он словно чистейший нефрит, — тихо добавил он. — Я испугался, что если промолчу, то упущу его навсегда, и от одной этой мысли на душу ложилась беспросветная тоска. Но стоило ему оказаться рядом, как все тревоги отступили, уступив место чистой радости. Вот я и высказал все, что таилось на сердце.

Шэнь Сунсюнь только диву давался: кто бы мог подумать, что его господин, не знавший страха перед лицом бесчисленного вражеского войска, окажется столь беззащитен перед собственными чувствами?

— Ваше Высочество, вы ведь даже не разведали обстановку, как можно было сразу раскрывать все карты? — покачал он головой. — Если этот третий господин окажется человеком коварным или, что еще хуже, подосланником принца Циня или принца Ци, ваша откровенность может обернуться бедой.

— Думаешь, я этого не понимаю? — отозвался У Чэнсюань. — Но я верю ему. Он не враг.

Шэнь Сунсюнь лишь хмыкнул, недовольно поджав губы:

— Ваше Высочество, у вас еще ничего толком не началось, а вы уже выгораживаете его? — Впрочем, в голове у наставника уже созрел план. — Может, мне самому нанести визит этому юноше? Посмотрю на него, оценю, так сказать, со стороны.

Ему давно нетерпелось узнать, что же за дивный небожитель этот Цзин Юньшу, раз сумел так

легко пленить сердце сурового принца Чу.

— Не смей, — нахмурился У Чэнсюань. — Я и не надеялся, что мы сможем быть вместе. Не нужно тревожить его понапрасну.

Шэнь Сунсюнь внутренне не согласился с этим запретом. Пусть он не мог явиться к нему от имени принца, ничто не мешало ему нанести частный визит под предлогом знакомства с одаренным молодым ученым. Как ни крути, а взглянуть на этого юношу собственными глазами было просто необходимо.

У Чэнсюань слишком хорошо знал своего советника.

— И думать не смей ходить туда втайне от меня, — предупредил он.

Шэнь Сунсюнь отложил веер, спрятал ладони в широкие рукава халата и со всей доступной ему чинностью произнес:

— Я лишь посмотрю на него, одним глазком.

— Юньшу чрезвычайно умен, — покачал головой принц. — Он мгновенно разгадает, кто ты такой.

Шэнь Сунсюнь притворно оскорбился:

— Я преданно служу вам столько лет, но отродясь не слышал от вас ни единого доброго слова. С чего бы какому-то юноше сразу достаиваться столь высокой похвалы?

У Чэнсюань вздохнул. Наставник опять принимался за старое, и в обычное время принц попросту проигнорировал бы эти капризы. Но сейчас, опасаясь, что тот и впрямь доставит беспокойство Цзин Юньшу, он уже собирался осадить его, как вдруг дверь отворилась и в комнату быстро вошел Ду Хэн. Ему было поручено присматривать за поместьем Юнь и тайно оберегать юношу, поэтому принц Чу сразу же спросил:

— В поместье Юнь что-то случилось?

— Приехал шурин хозяина дома, дядя второго молодого господина, — доложил Ду Хэн. — Я услышал, как слуги в усадьбе шепчутся, упоминая господина Цзина. Точных подробностей разузнать не удалось, но затевается явно что-то недоброе. Я счел нужным немедленно сообщить вам.

— В тот день между молодым господином Цзином и его вторым братом произошла ссора, после которой последнего заперли в семейном храме нести наказание, — задумчиво произнес Шэнь

Сунсюнь. — Быть может, его дядя явился просить о снисхождении?

— Едем, — коротко бросил У Чэнсюань.

Он привычным движением закрепил короткий меч на поясе Диесе и набросил на плечи дорожный плащ.

Шэнь Сунсюнь тоже горел желанием поехать, однако врожденная чинность книжника все же заставила его колебаться:

— Но... это ведь чужие семейные неурядицы. Гоже ли нам вмешиваться без приглашения?

У Чэнсюань, затягивая завязки плаща, на мгновение замер.

— В таком случае оставайся здесь. Мы с Ду Хэном понаблюдаем с крыши, чтобы этот человек не посмел причинить Юньшу вред.

Наставник Шэнь лишился дара речи. Любопытство давно пересилило в нем всякое благоразумие, поэтому он поспешно отбросил остатки сомнений:

— Полноте, Ваше Высочество! Если там и впрямь затевается ссора, как вы собираетесь помогать с крыши? Даже самому мудрому судье непросто разобраться в чужих семейных распрах. Тут грубой силой ничего не решишь, без моего красноречия вам точно не обойтись.

У Чэнсюань крепко взял его за плечо:

— Тогда в путь.

Сегодня у Юнь Буши был выходной, и вся семья собралась за полуденной трапезой. Еда пришлась Цзин Юньшу не по вкусу, поэтому он лишь слегка притронулся к угощениям и не торопясь вернулся во Двор Чистого Бамбука. Там он велел подать легкую закуску, после чего прилег на кушетку отдохнуть.

Вскоре в комнату вошел Чэнь Лян:

— Молодой господин, в усадьбу прибыл дядя второго молодого господина. Хозяин просит вас немедленно пройти в парадную залу. Говорит, гость желает лично принести вам извинения.

Цзин Юньшу поднялся и жестом велел Чжили подать ему верхнее платье.

— Я слышал, племянник госпожи Ху — порядочный негодяй и смутьян, — задумчиво проговорил он. — Отец подобного отпрыска наверняка окажется птицей того же полета. Чжили, принеси мне подвеску для веера, пусть будет при мне. Пойдемте, поглядим, что за гость к нам пожаловал.

Сопровождаемый слугами, юноша направился в парадную залу. Приподняв тяжелую занавесь у входа, он сразу заметил, что здесь собрались почти все: Юнь Буши, старшая госпожа Ван, старший сын Юнь И, наложница Ху и ее родной брат Ху Цинь. По их напряженным позам и суровым лицам казалось, будто они собрались устроить настоящий допрос.

Цзин Юньшу опустил веки, скрывая промелькнувшую в глазах настороженность, шагнул через порог и почтительно поклонился:

— Приветствую вас, отец, матушка. Желаю вам доброго здравия.

— Как твое самочувствие, сын мой? — спросил Юнь Буши. — Стало ли легче?

— Все по-прежнему, отец, — негромко ответил юноша.

— Это старший брат наложницы Ху, дядя твоего второго брата, — представил гостя Юнь Буши.
— Ты долгое время жил вдали от дома, потому, верно, еще не знаком с ним.

Цзин Юньшу не стал утруждать себя притворными вежливыми речами о том, как «давно мечтал познакомиться», и лишь безучастно кивнул:

— Верно, мы не знакомы.

Он даже не поклонился гостю. Ху Цинь при виде такого пренебрежения нахмурился и принялся раздраженно поглаживать усы, однако высказывать недовольство прилюдно не решился.

Наложница Ху, давно копившая злобу, не выдержала и язвительно заметила:

— Он родной дядя твоего второго брата, а значит, и тебе приходится старшим родственником. Как же можно быть столь непочтительным...

— Попридержите язык, тетушка Ху, — резко оборвал ее Цзин Юньшу. — У сыновей дома Юнь есть лишь одна законная мать — старшая госпожа Ван, и лишь ее родственников мы вправе величать своими дядями. Далеко не каждого дозволено называть столь почетным словом.

Наложница Ху мгновенно побледнела от злости. Сжав в кулаке шелковый платок, она прикусила губу и бросила растерянный взгляд на безмятежно пившую чай госпожу Ван.

Та как раз смотрела на нее с едва заметной издевательской усмешкой на губах.

Слова юноши были чистой правдой, основанной на строгих законах приличия, поэтому Юнь Буши пришлось вмешаться.

— К чему эти споры? — строго произнес он, однако тут же повернулся к Ху Циню с извиняющейся улыбкой: — Прошу простить моего третьего сына, он слишком долго прожил в глуши и совсем позабыл столичные правила вежливости.

Цзин Юньшу не стал спорить. Он застыл на месте с отрешенным, почти покорным видом, дожидаясь, пока старшие обменяются пустыми любезностями. Наконец он спросил:

— Позвольте узнать, отец, для чего вы меня позвали?

— Завтра состоится прием у принца Чу, — перешел к делу глава семейства. — Насколько мне известно, ты принял приглашение. Твой старший брат часто посещал поэтические собрания, но встреча с членом императорской семьи для вас обоих будет в новинку. На таком приеме легко допустить оплошность, поэтому я решил лично наставить вас.

Ху Цинь с нескрываемым раздражением покосился на хозяина дома. Впрочем, его собственный чиновничий ранг был ниже, и во многих делах ему приходилось полагаться на зятя, так что открыто выражать недовольство он не смел. Сдержав гнев, он вкрадчиво произнес:

— У каждого когда-то бывает первый раз. Позвольте моему неразумному племяннику тоже преклонить здесь колени и послушать ваши наставления. Быть может, он извлечет для себя хоть какую-то пользу. Раз уж совершил глупость, нужно извлекать уроки из собственных ошибок.

На самом деле Ху Цинь приготовил множество нравоучений, рассчитывая воспользоваться правами старшего родственника, однако резкая отповедь Цзин Юньшу лишила его этой возможности. Теперь ему оставалось лишь искать иные лазейки, чтобы выгородить запертого племянника.

«Как сладко поет», — мысленно усмехнулся Цзин Юньшу.

Возражать против освобождения второго брата открыто он не мог, иначе его тут же упрекнули бы в черствости и неуважении к старшим. Поэтому юноша почтительно произнес:

— Я, безусловно, согласен с почтенным господином Ху. Однако в тот день второй брат хвастался перед всеми, что в этом поместье нет ничего, что было бы ему не под силу. Отец определил ему два дня наказания в семейном храме. Если сейчас с легкостью отменить это решение, слуги могут решить, будто слова брата оказались правдой, а это нанесет урон вашему авторитету, отец. Брата все равно освободят завтра, так стоит ли спешить? Впрочем, если вы

решите выпустить его прямо сейчас, я буду только рад. В конце концов, все случилось из-за меня, и если он выйдет раньше, с моей души сойдет часть вины.

Эти слова на первый взгляд казались уступкой, но на деле тонко напоминали Юнь Буши о хвастливых речах провинившегося сына. Наложница Ху мгновенно уловила скрытую издевку. Нахмутив брови, она яростно уставилась на Цзин Юньшу:

— Да как ты смеешь?! Когда это мой сын говорил подобные глупости?

— Но ведь отец слышал все собственными ушами, — спокойно возразил юноша. — С чего бы мне лгать?

Наложница Ху жалобно посмотрела на мужа и, прижав платок к глазам, тихонько зарыдала:

— Господин...

Но не успела она разразиться жалобной тирадой, как в двери поспешно постучал слуга:

— Господин! Из переднего двора сообщают, что к нам пожаловал Его Высочество принц Чу!

— Принц Чу? — растерянно переспросил Юнь Буши, не веря собственным ушам.

Цзин Юньшу тоже слегка нахмурился. Он никак не ожидал столь внезапного визита и не мог понять, что привело сюда Его Высочество.

— Да, Его Высочество действительно здесь, — подтвердил слуга.

— Живее, проси его войти! — всполошился Юнь Буши.

Пусть принц Чу и не пользовался благосклонностью при дворе, для мелкого чиновника пятого ранга он все равно оставался недосягаемой величиной.

— Почтенный Юнь, — попытался вклиниться Ху Цинь.

Но Цзин Юньшу решительно перебил его:

— Отец, я полагаю, о проступке второго брата сейчас не стоит упоминать вовсе. Пусть это лишь семейная неурядица, но если Его Высочество узнает о подобных распрях, это может бросить тень на вашу безупречную репутацию и честное имя господина Ху.

<http://bllate.org/book/18296/1768250>